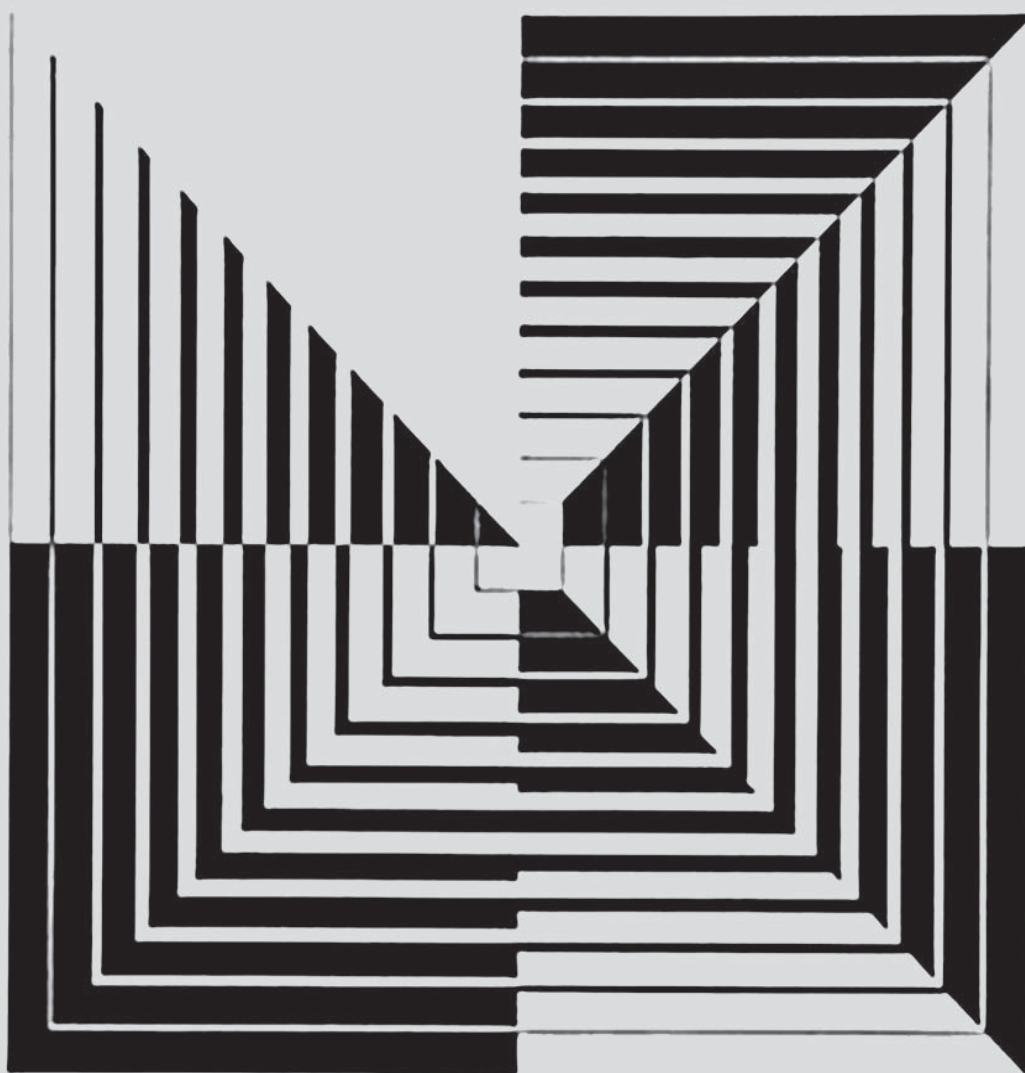

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН ЖУРНАЛА РУССЛО

LITERARNI SALON ČASOPISA RUSSLO

ПЯТЬ ПРИЗНАКОВ ХОРОШЕГО РАССКАЗА

В интернете можно прочитать огромное количество хороших, не очень и откровенно плохих рассказов. Естественно, на каждый товар найдется покупатель, на каждую историю надутся благодарные читатели. И, тем не менее, почему один рассказ, подобно сказке, просто вызывает положительные эмоции, а от другого слезы наворачиваются на глаза и задевает так, что запоминается надолго?

Психологи и литературоведы общими усилиями сформулировали пять основных признаков хорошего короткого рассказа. Начнем с того, что каждый рассказ обязательно должен иметь как внешний, так и внутренний сюжет. Нужна не просто душевная история о том как у героя или героини сначала все было очень плохо, а потом, как в доброй сказке, все стало хорошо. При владении автором стилем, можно принять такой рассказ за условно говоря «хороший», но это не так.

Литературное произведение – это не каталог хороших и плохих событий, а источник нового опыта.

«Внутри, а не снаружи»

Рассказ – это история странствования во внутреннем мире, а не во внешнем. Важен не сюжет сам по себе, а то, как события влияют на главного героя.

«Каждая деталь должна быть осмысленной»

В знаменитом письме Чехов писал, что драматургу не стоит вешать ружье на стену, если оно не выстрелит. У любой детали, которая вводится в повествование, должен быть какой-то смысл — этим история отличается от реальности. Читатель всегда его интуитивно ищет и разочаровывается, когда не находит.

«Короткий рассказ не место для отвлеченных понятий»

У каждой абстракции должно быть конкретное

выражение. Мы хотим знать о жизни конкретных героев в конкретных обстоятельствах, которым мы можем сочувствовать, возмутиться или заплакать над ними. Любое событие или описание должно быть пропущено через призму опыта героев: здесь, как и в жизни, не может быть ничего нейтрального.

«Конфликт и цель»

В центре рассказа лежит конфликт, который должен разразиться. Это может быть конфликт между реальностью и представлениями героя, между его настоящими и ложными желаниями, конфликт между ним и его окружением. Цель истории — разрешение этого конфликта. Герой справляется или не справляется с проблемами, для того, чтобы мы для себя могли осмыслить и трактовать происходящее.

«Причинно-следственные связи»

Читатель ищет цепочку причин и следствий. Здесь одно вытекает из другого, и всё связано со всем. Мы ищем причины даже там, где их нет. Эту особенность человеческого мышления можно обыгрывать, но ее нельзя игнорировать.

Даже самое экстраординарное событие окажется скучным и бессмысленным, если оно никак не влияет на внутренний мир героя. Хорошая история всегда рассказывает о том, как герой сталкивается с внутренней проблемой, решает её или не справляется с этой задачей. Сюжет — это лишь внешняя оболочка главного, внутреннего приключения. Поэтому хороший рассказ глубже и содержательнее просто душевной истории вызывающей исключительно положительные эмоции у читателей.

В качестве иллюстрации предлагается рассказ «Одесский Вавилон», который я нашла в группе #счастливые_перемены.

ОДЕССКИЙ ВАВИЛОН

Лехаим! или «шоб мы так жили»!

— Гриша, ты глянь кого там привёл твой шлимазл!

—Таки этот шлимазл, между прочим, и твой сын!

— Нет, я тебя умоляю.... Когда он вытворает такое, так он вылитый ты!

Во двор входил рослый Борик, студент-математик, а за руку он вёл тонюсенькую и прозрачную девушку, в очках и с челкой до самых глаз. Девушка оленёнок, с огромными шоколадными глазами крепко держалась за большую Боренькину руку.

— Не, ты глянь как ухватила... Оно ж и понятно, ветер подует и Это унесёт на раз! Ни формы спереди, ни богатства сзади....

— Папа, мама, познакомьтесь, это Регина....

— Ой, детонька, и где ж тебя так рОстили?!

— Здрасьте, тетя Галя и дядя Гриша.

И не переживайте ви так за мой тухес, может я таки могу принести нахес?!....

Гостя подбоченилась и приняла боевую стойку. Сразу было видно, что к подобным перепалкам она привычна, и даже получает от них удовольствие. Боже упаси, она нисколючко не хамила, она весело взирала на Боренькиных родителей из-под длинной челки.

— Не, ты глянь, она ещё и языкастая...,— недоверчиво и уважительно пропела Галя. И уже тихо и себе под нос, — Ну слава Богу, дождалась,— Ну заходи до двору, а шо, може ты ещё и готовить умеешь?

— Так руки вроде ж есть....,— будущая невестка уже закатывала рукава и основательно усаживалась у тазика с картошкой.

Счастливым Боря сиял, как тот медный самовар, что уже третий год стоял в окне у тети Песи. Он был абсолютно уверен, что Реночка очень понравится родителям. И он таки не ошибся.

Регина родилась в холодных краях. И детство у неё было тяжелое и очень голодное. Репрессированные родители прибыли туда не по своей воле, но Одессу они привезли в себе.

Юмор и неповторимый колорит Реночкины родители гордо хранили, как красноармеец пролетарское красное знамя. Изможденные и, казалось бы, выброшенные из общей жизни люди создавали жизнь там, где находились сами.

Они просто не умели и жить и говорить по-другому. У них отняли все, и даже их честное имя, но юмор и тонкий ум отнять у них было невозможно. До самой последней минуты они оставались ироничными и светлыми людьми.

Вернуться же в любимый город смогла только их девочка.

— Я дико извиняюсь, но хочется спросить — шо мы будем всю эту картошечку жарить?! Или может все-

таки сварим?!

Регина споро очищала второе ведро картошки.

— Не, ну если Ви думаете, шо у нас тут кушают на ужин одну картошку, так это Ви сильно ошибаетесь...,— подал голос счастливый отец шлимазла Бори.

Он давно уже наблюдал, стоя за спиной гостьи, как она молниеносно снимала с крупных базарных

картофель тонкую стружку и аккуратно складывала всю эту красоту в тазик с чистой водой.

Гриша подмигивал жене, довольно побрякивал и подкладывал Регине все новые картошки, до того ему нравилось смотреть на ее ловкие пальцы.

— Оно может, конечно, Вы и правы, и кушают тут что-то ещё, — Регина сдула мешавшую челку, — но судя по количеству, ужинать будет вся улица. Или я ошибаюсь?! — Она озорно подмигнула Грише через плечо.

— Ой, шо там осталось от той улицы, видели бы Вы нас до войны... Какие были люди!

Молодежь подняла головы и огляделась по сторонам.

Это был очень старый одесский двор. Высоко в небе плескалось бескрайнее чистое небо, его расчерчивали на острые треугольники беспокойные белые голуби. Кружевные переходы веранд и лестниц подпирали старые комнаты.

Галереи разношерстных пристроек делали двор похожим на настоящий Вавилон. Окна и двери были открыты свежему воздуху, да и людскому взору, из некоторых парусами пузырились чистые тюлевые занавески.

Тазы, детские санки на зиму, патефон, горшки и коляски — вся эта рухлядь украшала веранды и стены, рассказывая удивительные бесконечные истории этого двора. Жизнь сообща. Жизнь нараспашку.

— Тетя Песя, перестаньте мучать кошку, она умрет от вашей любви раньше, чем успеет состариться!

— Дядя Иржик, шо там у нас с часами?! Ми их когда-нибудь починим или станем держать на стене для красоты?!

— Нет, ну нельзя же так издеваться над людьми.... Феня Адольфовна, ваши котлеты пахнут и уже совершенно не можно дышать! Мы ж тут захлебываемся слюнями....

— Мая, пока ты доваришь своё сатэ, наступит уже зима, а кушать надо сегодня!....

Дородная и красивая Галя, как настоящий капитан на шхуне, командовала всем двором. Ее острый намётанный глаз не пропускал ни малейшей детали, она, как минёр на поле, беспрестанно держала всех обитателей в поле зрения.

Одной рукой она жарила свежую плотву, которую Гриша добыл на Привозе, другой мешала борщ в огромной кастрюле, больше похожей на выворку. Некоторые ей отвечали, нежно орали подколки и прибаутки в ответ, а многие просто любовно улыбались.

К ужину начиналось настоящее театральное действо. Из всех комнат, углов и проходов вниз стекались люди. Они чинно рассаживались за огромным столом, его соорудили прямо посреди двора.

Двойной же праздник, во первых Шаббат —

встреча субботы, и во-вторых Галин Боря привёл таки на показать свою кралю. А это, знаете ли, происходит не каждый день.

Соседи спускались со своей снедью и тарелками, вынося из домов все самое лучшее, и каждый нёс с собой дополнительные стулья.

Люди сидели очень странно, как бы все вместе, но между ними, здесь и там, злыми проплешинами, оставались пустые места. Регина прижалась к Борису и молча наблюдала этот ритуал.

— А почему так сидят?! Это ж столько людей ещё должны прийти? - округлила и без того огромные глаза гостья.

— А тут, Региночка, должны быть ещё люди... Но их почему-то нету.... Совсем,— Гриша странно смотрел вбок, глаза его наполнились слезами.

Он родился и вырос в этом дворе, здесь гонял голубей и здесь впервые закурил. Его нянчила тетя Ева, Давид Моисеевич пытался обучить музыке, а доктора Бирштейны кормили манной кашей на базарном молоке.

Ривку и Лазаря Бирштейн повесили за помощь подпольщикам на большой площади в самые первые дни войны. Рядом с Галей и Гришей, по левую руку на пустом месте за столом сиротливо жалась друг к другу старые венские стулья из их приемной.

Тетя Песя, по-прежнему прямо глядя перед собой и чуть улыбаясь, мерно качала головой и гладила рыжую кошку. Всю ее семью румыны расстреляли и сбросили в ров. А сама Песя пряталась в лесу, ее посылали менять продукты.

И грузовики и расстрелы она видела своими глазами. И горящие амбары с людьми. Впав в ступор после всех ужасов, она пешком пошла в город, в свой родной двор, не понимая, что именно оттуда немцы их и забрали.

Галя нашла ее по дороге, как и нескольких других, долго прятала в подвалах доходного дома у Оперного театра. Рядом с тетей Песей у стола были аккуратно расставлены пустые табуреты.

Здоровенный Веня, в вечной тельняшке, вернулся с войны с тяжелой контузией. Его вынесла на руках санитарка Маечка, она же его и выходила.

Он привёз ее в Одессу, знакомить с многочисленной родней. Но дома их уже никто не ждал. Всю его семью расстреляли. Трех маленьких братиков, сестру с детишками, маму и бабушку.

Расстреляли и дедушку Давида Моисеевича, профессора музыки. Он наивно пытался разговаривать с немцами, убеждал пощадить женщин и детей. Напоминал им, что они великая гуманная нация Бетховена и Вагнера.

Зондеркоманда — очумевшие от крови полупьяные эссесовцы ржали в голос и фотографировали чокнутого профессора. Распрямив больные плечи и гордо подняв

голову он стоял на краю рва, подслеповато шурился на солнце и что-то шептал на идиш своему великому Б-гу.

Рядом с Веней и Маечкой, в торце стола, на почетном месте в потертом плюшевом кресле лежала одинокая нежная скрипка.

Галя всегда была самой сильной и яркой в их дворе. Да и на всей улице. Злые языки болтали, что ее мать во время погромов насильничал пьяный казак.

Богатая родня прогнала Соню, принесшую в подоле горлатую крупную девочку. А тетя Ева приняла, и пустила в свою комнату, и помогла поставить на ноги и выучить шустрюю малышку. Была она наполовину казачкой или нет, а только росла огонь, а не девка.

И тетю Еву, и Сонечку, Галину маму, и невероятно красивую Фаню, молодую жену Иржика, их всех закопали во рву. Дядя Иржик в фартуке часовых дел мастера молча утирал глаза платочком. Рядом с ним стоял пустой ярко синий стул его любимой Фани.

Галю убили и закопали тоже. Но только она не умерла, а очень долго выбиралась из груды тел. Это дедушка Давид спас ее. Падая, он прикрыл девушку своим старческим телом, увлѣк за собой, обманывая смерть.

Выбравшись из общей могилы, Галя долго ползла, потом брела, пробиралась, возвращалась домой. По чердакам и подвалам у неё были спрятаны соседи. Старики и дети. И некому было позаботиться о них на всем белом свете. Ей надо было выжить, во что бы то ни стало. И она жила...

Галя переправляла людей в лес, доставала лекарства, ходила по хуторам обменивать еду. Разбрасывала листовки и таскала воду в катакомбы. Бесстрашную подпольщицу немцы поймали, хуторяне выдали ее румынам за три мешка отборного зерна.

Гриша с партизанами отбил ее и других подпольщиков, вынес на руках полумертвую. Выходил, вылечил, а уж после войны женился.

Они оба вернулись в свой осиротевший двор, вернулись жить, собирая по крупицам то, что осталось от их жизни. И даже родили Бореньку. И навсегда

сохранили память о войне, но вот сломленными их назвать было никак нельзя.

И частенько поздним вечером, завидев босоту в подворотне, Галя по дороге домой громогласно выдавала своё знаменитое:

— И если вы собираетесь мене жомкнуть и заземлить — так даже и не начинайте думать!!! Тут многие и до вас сильно старались, так их уже совсем нету, а я все-таки ещё есть. И даже неплохо сохранилась....

В старом одесском дворе стоял длинный стол, вокруг него сидели искалеченные войной люди и рядом с каждым из них стояли пустые стулья, а на столе приборы.

Девочка-олёненок Реночка плакала навзрыд, кулачками размазывая горькие слѣзы. Боря, гений математики и радость папы и мамы, ее обнимал, гладил, и баюкал, как маленькую, сам при этом хмуря соболиные брови и подозрительно тянул носом.

Шумела листва...

Галя с Гришей сплетали под столом натруженные мозолистые руки. Откинувшись на спинку своего высокого стула, Галя улыбалась. Ей было совершенно понятно, что наконец-то ей есть кому передать своих домочадцев и свой двор.

Эта тоненькая девочка, хоть и родилась в сибирских сугробах, но была настоящей одесситкой. С железным характером, острым языком и горячим сердцем.

Она подхватит ее факел, и родит будущих детей, и никому не даст в обиду ее Борика. И снова на бульваре зацветут каштаны, голуби взмоют в небо под лихой свист вихрастых хлопцев, а во дворе добрые соседи станут накрывать общие столы.

— Тю, та я не поняла, а шо мы тут расселись, как на похоронах?! У нас суббота или как?! И ребёнка вон мне расстроили, и риба уже вся холодная!

Гриша, Иржик, Венечка, наливайте нам, мы будем пить за жизнь!!!!

Лехаим!

Ада Баскин

Счастливые Перемены - группа счастливых людей

Наш постоянный автор **Ирина Хутинец** прислала на конкурс «ТЕРРА» свои рассказы. Поскольку наш портал еще не заработал, то предлагаем ознакомиться с ними в нашем «Литературном салоне»

Ирина Хутинец имеет два образования: преподаватель в детской музыкальной школе и журналист. В Хорватии живет почти двадцать лет. Муж – строитель, дочка – доктор, сын – инженер экологии. Работает в детском саду, а в свободное время пишет рассказы.

Все любят Машу

Маша приходила в детский садик с громким рёвом. Толик наоборот, совсем не переживал, что мама оставляла его и с большим интересом наблюдал за истерикой Маши. Потом подходил к ней, протягивая игрушку. Маша вытирала слёзы рукавом и покорно шла играть с Толиком. Весь день они были вместе. Вечером мамы детей уводили домой. Утром всё начиналось сначала.

Однажды Толик сказал: «Маша, я тебя люблю!»

«Да...», — задумчиво протянула Маша — «И я... себя тоже люблю!»

Кукла Белла

Момент появления в моей жизни куклы Беллы я не помню. Мама сказала: «Отец тебе её на три года подарил». Это был красивый подарок... Голубые закрывающиеся глаза с густыми черными ресницами, рыжие длинные волосы, голубое платьице и белые туфельки. На спине написано: «Bella».

Наша семья и счастлива, и несчастлива по своему. Мама выросла в детском доме. В военном и послевоенном детском доме главным было прокормить, научить читать, писать и распределить по училищам тысячи сирот, поэтому мама вышла в мир, не имея представления об его устройстве. Папа из многодетной семьи. Война забрала его отца. Старший брат ради голодных братишек и сестричек украл мешок зерна. Не успел донести. Дали восемь лет. Родные от него отказались. От папы тоже отвернулись, когда он женился на детдомовке. От страха и нужды люди черствели.

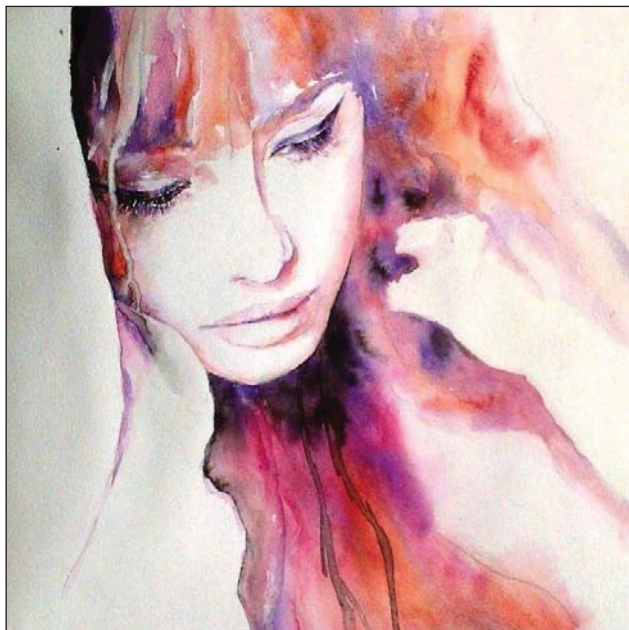
Папа был геологом. Искал нефть в России, Ираке и Алжире. Рождались мы, дети. По одному в каждой стране. Разъезды закончились, когда папу назначили начальником Управления геодезии в черноморском городке. Ему «дали» квартиру, дачу, вне очереди установили телефон. Отец купил машину и гараж. Материальный достаток, положение в обществе, огромное количество «друзей» — всё постепенно стало исчезать из нашей жизни. Что-то случилось и сломало человека. Папа стал пить. Его сначала попросили с должности, потом уволили. Мама подала на развод и отец ушёл.

Работал сторожем. Жил там, где работал. Мы почти не виделись. Мама говорила, что он пропойца и нас позорит. А мне было его жалко. Я мечтала, что окончу училище, пойду работать и заберу папу к себе. Он тогда обязательно перестанет пить. Папа не дожил четыре дня до своего сорокапятилетию. Его зарезали в пьяной драке. Шесть ножевых ранений.

Осталась кукла Белла. Когда я заглядываю в голубые бездонные кукольные глаза, то вижу карие печальные глаза отца.

ТАТЬЯНА АЛИМОВА

Грымзы и разгильдяй

В одной из комнат огромной коммуналки жили две грымзы. Они были родными сёстрами, и если бы не существенная разница в возрасте, то можно было даже подумать, что они близнецы.

Обе худые, сухощавые, с тонкими, всегда поджатыми губами, с дульками на головах. Носили одинаковые серые, невзрачные костюмы. Их ненавидела, побаивалась и презирала вся коммуналка.

Молодые люди ненавидели за то, что они обе всегда делали замечания, и были вечно недовольны.

За громкую музыку, за вечеринки, за поздний приход.

Дети побаивались из-за того, что пожилые дамы каждый раз жаловались родителям за малейшую провинность, типа невыключенного света в туалете или брошенных фантиков в парадном.

Милая и добродушная Никитична презирала за все. За высшее образование, которого у неё не было, а у сестёр было, за отсутствие семей и детей, за отвратительную манеру делать всем замечания.

Ну вот она к примеру: ни во что не вмешивалась, ни к кому с жалобами не приставала, на проказы детей и поздние приходы Витька и Сергея просто не реагировала. А этим двум ну до всего было дело. Грымзы, они и есть грымзы.

Дети любили Никитичну. Никогда она не ябедничала родителям, хоть что делай, хоть в ее присутствии, а она улыbnётся хитро, подмигнёт, и молчок.

А детей в коммуналке было много, шум и гомон стоял постоянно.

Частенько Алевтина Петровна, одна из гримз, та, которая постарше, выходила и, поджав губы, отчитывала ребят:

-Ну нельзя же так громко орать! Может кто-то отдыхает сейчас? Дядя Петя со смены, кстати, пришёл, а может кто-то книгу пишет. Валентина Петровна, например! - И грымза указывала на дверь, за которой другая грымза, ее сестра, действительно писала книгу.

Вся коммуналка подсмеивалась над ней. А Никитична, конечно, впереди всех.

-Валь, ну когда уж ты ее допишешь-то? Устала ждать я! Почитать больно хочется, - спрашивала старушка и заливалась смехом. Ее подхватывали все, кто слышал.

Валя поджимала и без того тонкие губы и ничего не отвечала, а, зайдя в комнату, горько рыдала на плече у сестры:

-Аль, ну зачем ты им про книжку. Они и так смеются над нами.

-Ну и пусть смеются, - утешала ее сестра. - Они ж не со зла. Соседи это наши. Почти родственники. Не обижайся. И не плачь!

А в 1941 грянула война, а в сентябре блокада. Голодно стало не сразу, и сначала тепло было.

Коммуналка потихоньку привыкала к новым условиям. К карточкам, к полуопустевшим комнатам, к похоронкам, к завыванию сирены, к отсутствию запахов из кухни, к бледным измождённым лицам друг друга и к тишине.

Молодёжь больше не пела под гитару, а дети не играли в прятки. Было тихо и спокойно. И эта тишина рвала душу сильнее, чем довоенный шум.

Алевтина с Валею стали ещё худее, но по-прежнему надевали свои серые костюмы, которые висели на них, словно в шифоньере на плечиках, и продолжали следить за порядком. Только теперь уж за другим.

Никитична выходила только по необходимости. А однажды и вовсе пропала. Ушла и не вернулась. Алевтина с Валею ходили, искали ее несколько дней подряд. Но тщетно. Пропала старуха, словно и не было.

А весной сорок второго в коммуналке первая смерть приключилась. Умерла мама Толика, а у него больше никого не было. Остался малец совсем один.

Всем мальчишку было жалко, но что поделать. Война. Как-то все снова пошло своим чередом, и про Толю забыли.

А грымзы не забыли, взяли его под свою опеку. Подкармливали, смотрели за мальчишкой. Ведь ему только одиннадцать в октябре исполнилось. Потом не стало мамы у Васи с Женей. Отец на фронте, тоже давно вестей не было. И над ним чопорные Валя и Алевтина взяли шефство.

Да и не только над ними. А вообще над всеми детьми коммуналки, а было их много.

Сестры по очереди варили один раз в день суп, колдовали над ним долго, мешали, что-то подсыпали.

Неизвестно, из чего они его готовили, ведь совсем продуктов не стало, но суп был вкуснейший. Всех детей кормили этим супом. Каждый день, в одно и то же время.

И название ему придумали: «разгильдяй».

-Баб Аль, а почему «разгильдяй»? Ты так Витька называла, я помню, - интересовался Толик действительно странным названием супа.

При упоминании Вити у Алевтины выкатилась слеза, не было уж парня в живых полгода как, но мальчишке женщина ответила так:

-Анатолий! Суп этот мы варим по-разгильдяйски! Потому он и назван так, а не как иначе.

-Как это, по-разгильдяйски? - не понял мальчишка.

-Ну как же? Кто ж кладёт в суп все подряд: и пшено, и перловку? Да ещё и обойным клейстером приправляет? А если повезёт, то и пару ложек тушёнки! - Алевтина погладила мальчишку по головке, достала из кармана совсем малюсенький кусочек сахара, отщипнула от него осколочек и сунула сразу в рот, чтобы при передаче из рук в руки не потерять ни одной крупинцы.

-Толя, иди погляди, наколупала баба Валя клея-то? А то мне «разгильдяя» заправлять пора.

А потом и вовсе всех осиротевших к себе в комнату забрали. Все вместе жить стали. Теплее, и не так страшно детям.

Прижмутся все друг к дружке, а баба Валя сказку на ночь расскажет. Из своей книжки. Сказки она писала. Книжка та недописанная давно на растопку пошла. Но все свои сказки Валентина хорошо помнила. Да ещё и новых насочиняла. Дети без ее историй не укладывались и все время просили:

-Баба Валя, сегодня про Красавицу из Снежных гор расскажешь?

-Расскажу, - и Валя начинала свой рассказ.

И обязанности у всех детей имелись, баба Аля строго следила, чтобы все при деле были.

Толик печку топил, Вася дрова собирал и на растопку готовил, девочки за водой ходили, карточки отоваривали, суп помогали варить. И песни пели. Женя запевалой была. Можешь-не можешь, а подпевай. Каждое утро пели.

А однажды Алевтина девочку с улицы принесла. Совсем плохо ей было, почти умерла она уже. Выходили.

А потом ещё одного мальчика привела Валя. А потом ещё и ещё...

К концу блокады в комнате сестёр было двенадцать детишек. Выжили все. Как? Чудо какое-то, наверное.

А суп тот еще и после войны варили. Разгильдяй. Выросли детишки. Разлетелись, кто куда.

Но про бабу Алю и бабу Валю никогда не забывали. Они так и жили в той коммуналке.

Навещали их дети часто. Помогали. Каждая из старушек почти до ста лет дожила. И книжку со сказками издали. И много ещё потом баба Валя рассказов написала. Про всех своих внучат написала. И название у книги что надо было - «Моя родная коммуналка».

А раз в год 9 мая обязательно все вместе собирались у Али и Вали, пока живы они были. Своей большой дружной семьёй собирались. И семья эта росла с каждым годом. Уж и правнуки рождаться стали.

И знаете, какое главное блюдо было на столе? Правильно думаете! Суп «разгильдяй».

Ничего не было вкуснее того блокадного супа. Приправленный добром и силой духа он сохранил детские жизни и юные души.

Пелагея

В деревне Вишни Пелагея слыла красавицей. А Василий был видным парнем в деревне Лыковка. Вот и договорились родители о скорой свадьбе.

Первый раз жених невесту на сватовстве увидел, а второй раз суженую повидать Васька тайком решил. Семь верст легко преодолел. Почти ползком, чтобы

никто не видел, пробрался к дому невесты, заглянул в её светлицу, уж больно ему хотелось посмотреть на неё незаметно. Думал, привиделась ему такая красота неземная, когда сватали.

Глянул, а Пелагея спать укладывается. Фигура ладная, коса русая до пояса, расплетена, спадает волной шелковистой, прикрывая все тайные места под рубахой. Лицо белое, брови вразлёт, что уголёк из печи чёрные, глаза огромные, зелёные вроде. Не разглядел Василий. Ни тогда, ни теперь.

Не удержался парень, и в окно стучит, Пелагея перепугалась, вскрикнула, но к окну подошла.

-Люб ли я тебе, Пелагеюшка?

Девка зарделась вся:

-Сам знаешь, - короткий ответ обрадовал парня.

Домой бежал, ног под собой не чуя.

Женитьбы еле дождался Вася. Ни пить, ни есть не мог.

Свадьбу играли на Покров. Ох, и весело ж две деревни погуляли. Не один десяток бутылей самогона выпили, а сколько съедено было, так уж лучше и не поминать вовсе. Плясали до упаду, а уж как пели! Веселая свадебка получилась.

Первенец Степка через год появился. А ещё через год Пелагея вновь тяжёлая. И опять мальчиком разрешилась. Василий рад-радешенек. Сыновья - помощники. Хорошо-то как. Вот бы и матери теперь помощницу. Да только третий тоже сорванец родился.

Уж интересно стало мужу с женой, неужто и четвёртый пострелёнок родится? Так и вышло.

К сорок первому году семья в составе девяти человек подошла. Так и не дождались Пелагея с Василием девочку. Только сыны у них получались. Семерых ребят родили.

На фронт в первую неделю все вместе ушли. Старшему Степану двадцать семь лет исполнилось, женат, вот у него две доченьки родились. Анисим, на два года младше Степы, за ним Аким, Иван, Фёдор, Федот. Самому младшему Антоше, любимцу мамкиному, пятнадцатый год шёл, и он на войну засобирился. Только отец строго-настрога приказал мать защищать и за хозяйством смотреть.

-Ты, Антоха, не дури! Кто ж на селе-то останется, коли и мальцы, и старики на фрица двинут. Вот дед Егор тож хочет фашиста бить. Да куда ж ему? Седьмой десяток к концу подходит. А все туда ж! - с уважением сказал Василий.

-Да, понял я, батя. Эх, жаль, повоевать-то не успею. Вы ж гадов-то поди дён за пять разобьёте. Я давеча по радиву-то слышал. Сказали, недолго фрицу землю нашу топтать.

Отец прижал к себе своего белоголового, в мать Васину уродился, остальные-то чёрные как смоль, в него, в Василия, а стало быть в деда Степана Никаноровича. Тоже вот на фронт собирается. В сельсовет уж раз пять ходил. Да куда там? Шестьдесят восемь годов.

А утром и отбыли все. Василий реветь никому не велел. Всех перекрестила мать, всех поцеловала, ни одной слезы не проронила. Ибо муж, Васенька, сказал:

-Реветь начнёшь, значит хоронить заживо будешь. Побьём фашиста быстро. Чего там! И вернёмся к уборочной. Вот посмотришь. А как же землю без присмотра-то оставить? Негоже.

Первой похоронка на Ивана пришла. Почтальонка три дня вокруг хаты Пелагеи ходила. Но вручить-то обязана.

-Пелагея, а тебе....

Женщина дрожащей рукой взяла бумагу, развернула, вчиталась.

Авдотьев Иван... погиб смертью храбрых.

С того дня чёрного не снимала.

Почтальонку Дусю издалека замечала, стала бояться ее прихода. Пока та плелась до хаты ее, молилась и просила Бога, хоть бы письмо несла, только бы письмо, давно ж писем не было от ребят.

Вторая похоронка была на Федота. Опустились руки матери, читать не стала, ошибок не бывает.

Потом Фёдор, за ним Акимка...

Потом два года шли только письма. Уж как радовалась мать, что все живы, все пишут. Вася ее родимый сержанта получил. На втором украинском воюют ребята все. Мстят за братьев своих, землю вычищают от нечисти фашистской.

А в начале сорок четвертого Дуся принесла самую тяжёлую ношу - сразу на двоих пришли скорбные бумаги - на Степана и на Васеньку, мужа любимого.

Немного успокоившаяся за два года Пелагея очень тяжело перенесла гибель мужа и старшего сына. Эта ужасная весть как будто стёрла ее жизнь, теперь уж навсегда.

Исчезли те, с кого началось её счастье - горячо любимый муж, с которым прожила двадцать восемь лет, и первенец. Всё, не стало основы.

-У тебя их ещё двое, - сказала соседка, - а я совсем одна осталась.

Анна ещё в сорок втором на мужа и трёх сынов похоронки получила.

Похоронка на Анисима пришла в день Антошиного восемнадцатилетия.

Проснувшись утром, он сказал:

-Пойду брательнику единственному помогать. За братьев и отцов пусть ответят. Вот, мать, и не чаяли мы с тобой, а война-то как затянулась.

Мать зарыдала, но размашисто сына перекрестила и сказала:

-Иди, сынок, только, умоляю, возвращайтесь живыми. Живыми приходите! - мать долго повторяла

эти слова, плавно покачиваясь из стороны в сторону.

Вспоминала она каждого.

Как носила, как рожала, как качала, как кормила, как шаг первый делали.

Вот Стёпка - первенец. Озорной проказник, любил с батькой на рыбалку. Не взял его отец однажды, так он, пострелёнок, без спроса на берег прибёг. Отец заругал тогда, наказал. С тех пор слово отца - закон.

Затем Анисим. Совсем другой. Тихий, спокойный мальчишка, часами в огороде возился, жуков искал, в коробку складывал, потом, как он говорил, исследовал их. Где ж он слов-то таких нахватался?

Акимка третьим родился. Слабенький был совсем, к доктору в город возили. Он глянул и сказал - не жилец. Мать горько расплакалась в этом месте своего воспоминания. Сбылось, не жилец... через двадцать четыре года сбылось.

Иванушка - ласковый мальчишка, помощник. «Мам, чего помочь?» - часто слышала Пелагея. Заботливый, нежный, поцелует тайком, а мать ему сухарик, обмоченный в мёде, сунет.

Феденька и Федот друг за дружкой родились. Ох, как дрались они между собой! Сколько тумачков от отца получали. Никак их мир не брал. А как исполнилось Феде восемнадцать, как отрезало их обоих от ссор и драк. Не разлей вода братья стали. Всегда и везде вместе.

Вот он младшенький Антошка перед ней сидит. Красивый. Волосы белые-белые, как у свекрови покойной. Царствие ей небесное, что сына такого произвела на свет, Васеньку ее милого, а она семерых их родила, чтобы было кому Родину защищать.

Похоронку ближе к вечеру на Анисима принесли, но мать сразу другое кричать стала:

-Не пущу, не пущу, один единственный ты у меня остался. Не пущу.

Упала на колени перед Антошей, он вслед за ней опустился, плачут оба, мать сына единственного обнимает.

-Миленький, родненький, не ходи. Скоро закончится война эта проклятущая. Не ходи.

Встал Антон во весь рост свой.

-Мать, да ты что такое говоришь? Как же не пойду я?..Отпусти, мать...

Ушёл Антошка. Через неделю ушёл, не дожидаясь повестки. Добровольцем.

Антон Пелагея ждала до конца жизни. Не пришла на него похоронка, но и сам не вернулся.

Выходила она за калитку до самой смерти и вглядывалась в даль синюю до боли и слёз.

Девяносто два года ей было, когда она всех своих сынов увидела вместе с Васенькой. Подошли они к ней из дали синей, поклонились матери в пояс. Все молодые, красивые.

И Василий, муж возлюбленный, как-будто вчера поженились. Чуб чёрный из-под фуражки выбивается, стать молодецкая. Встала Пелагея легко, словно не было лет этих, глянула на себя, словно со стороны, коса тугая русая струится, красота девичья вернулась, и молодая такая же, как сыновья и Василий. Взяла мужа под руку, и ушли все вместе в простор голубой.

Пелагею нашли рано утром. Она сидела на своей старенькой лавочке. Душа ее была далеко....

Неуценные

Степанида слыла женщиной бережливой и аккуратной. Все вещи она содержала в идеальном состоянии. Никогда не нарушала режима стирки, а то, что нуждалось в химчистке, всегда ей и подвергалось. Обувь тоже была тщательно вычищена и подбита. Одежду в ее семье можно было носить годами. Но конечно же частенько хотелось чего-то новенького и модного. Вещи, которые были в прекрасном состоянии, но уже не носились, складывались в zip-пакеты и убирались на антресоль ожидать своего часа. Выбросить на помойку рука не поднималась.

Час этих вещей всегда наступал. В позапрошлом году у сватья на работе были погорельцы. Все им отвезли. А в этом году знакомая сообщила Стеше, что по такому-то адресу открылся социальный магазин. Принимают вещи у населения и отдают нуждающимся.

Степанида очень обрадовалась. Нагрузила две огромных клетчатых китайских сумки и рюкзак. Но сдвинуть с места не смогла. Не желая беспокоить мужа и сыновей, вызвала такси.

Здание, в котором располагался магазин, было очень презентабельное. И аренда в нем недешевая, отметила про себя Степанида. У входа стояла бабулька и рассматривала подслеповатыми глазами какие-то бумаги.

Стеша вошла. Встретила ее грозная дама в очках. Приказала раскрыть сумку и вытаскивать все вещи по одной, выворачивать наизнанку. Она будет делать опись.

- Не надо опись, - весело сказала Степанида. - Мне ничего не нужно!

- Дама, - гаркнула приемщица. - Кого интересует здесь, что нужно вам? Делайте, как вам говорят, или покиньте помещение.

Тон ревизорши совсем не понравился Стеше, но она решила довести дело до конца, раз уж приехала в такую даль, да ещё и по пробкам.

Первым Степанида вытащила мужнин пиджак. Вельветовый, песочного цвета.

«Даже не залоснился нигде», - подумала она. В этом году муж забраковал пиджак окончательно, сказавши, что он слишком светлый. И Степанида без конца носила его в чистку. Тем временем приёмщица пристально, чуть ли не с лупой в руках, разглядывала пиджак. Не найдя никакого изъяна на лицевой стороне, приказала:

- Выворачивайте!

Стеша исполнила приказание. И тут приёмщица метнула в Степаниду победный взгляд:

- Смотрите, - указала она на двухсантиметровую прореху в шве подклада. - Дырка! - констатировала она. - Рваные вещи мы не принимаем.

- Но как же так? - удивилась Стеша. - Вещь же почти новая. И это не дырка. Шов распоролся.

- Пиджак не приму, - ответ был короток, и спорить бесполезно.

Степанида достала свою блузку. Та же история. Прекрасная хлопковая блузка была тут же отвергнута

хабалкой. Причина - отсутствие одной пуговицы.

- Но позвольте! Люди, нуждающиеся в этой вещи, без труда пришьют недостающую пуговицу.

Приемщица не обратила на слова Стеши никакого внимания. Она коротко бросила:

- Следующая вещь. У меня очень мало времени.

Стеша достала дамскую сумочку. В ней она была на сто процентов уверена. Но сыщица нашла недочёт. Собачка у замка была сломана. И уголки радикюля были слегка потёрты.

- Женщина, вы издеваетесь? - каркнула социальная работница, - а вы правила приёма вещей читали вообще?

- Нет, - ответила потрясённая Стеша, услышав про правила.

- Я так и знала. Вернитесь и почитайте. На входе специально разместили.

Степанида подхватила идти.

- Эй, - окликнула ее приёмщица. - Баулы свои заберите.

- Так пусть постоят. Я прочитаю и вернусь, - наивно ответила Степанида.

- Ещё чего, я не обязана охранять ваши шмотки.

- Да кто их возьмёт! - хотела сказать Степанида.

Но не успела. Ибо вредная дама за конторкой предварила ее возражение.

- Делайте, как вам говорят, - и скрылась за дверью.

Степанида оттащила огромные сумки ко входу. На стеклянной двери действительно красовались два листа с бисером мелких букв на них. Правила гласили, что вещи принимаются без единой дырочки, без пятен, хорошо вычищенные, выглаженные, не потрепанные, в хорошем состоянии, со всеми пуговицами, молниями и кнопками. «Написали бы ещё, со всеми бирками», - подумала Стеша. Да кто ж новые вещи то принесёт сюда?

- Что, милая, не приняли? - обратилась к Стеше опрятно одетая старушка, которая читала бумаги, когда Стеша входила в социальный магазин.

- Нет, - ответила Стеша, - шибко правил у них много для социальной организации.

- У тебя не принимают, а мне не дают. Вон целый список документов принести надо, чтобы выдали три единицы вещей в месяц, - улыбнулась бабушка, - прознала я про этот магазин, ох как обрадовалась, да не тут то было.

Стеша более внимательно посмотрела на благообразную старушку.

- Я хочу вещи отдать, а вы хотите их взять. Так зачем нам эти? - Степанида кивнула в сторону социального учреждения. - Только вот сомневаюсь я насчёт одежды, - Степанида вопросительно взглянула на старушку, - Вы же для себя берёте?

- Ну как тебе сказать, милая. У меня есть брат, на заводе он трудится. Половина от машиностроительного то осталась. И та с собаками в одну дыру работает. Не каждый день на завод Николай ходит. Нет столько работы как раньше то. Зарплата маленькая очень. На коммуналку и на продукты еле-еле хватает. Ещё есть сноха, - бабулька посмотрела на Стешу. - Если есть там твои вещи, то подойдут ей.

- А брат ваш какого размера? Мужского много у меня. Мужа и двух сыновей вещи.

- Да ты не переживай, милая. Много на заводе в нашем цеху нуждающихся то. Им отдадим, если Колюне не подойдёт. Ты только решишь! Отдашь вещи то мне или нет?

- Конечно отдам. Только как вы их понесёте?

- Было бы что нести, милая! - обрадовалась старушка.

- А далеко ли ехать? - спросила Стеша.

- Так при заводе барак то наш.

- Поехали, - решила Степанида, - не позволю вам тяжесть такую тягать.

Таксист помог погрузить в багажник тяжеленные сумки.

Подъехали к бараку. Встречать их вышла женщина чуть помладше Стеша, приветливо улыбнулась Степаниде, и стала жестами разговаривать с бабулькой.

«Глухая», - опешила Стеша.

- Брат мой и жена его глухие от рождения, - пояснила тем временем старушка. - Работают в цеху, где слышащие в принципе работать не могут. Шумно там очень. Да здесь почти все из этого цеха. Да завод то стоит уж лет десять как. Только наш цех, да ещё пара-тройка и работают. Вот молимся, чтоб и дальше работали. А то нам совсем тогда крышка. Да ты проходи, не стесняйся.

Стеша видела, что глухой женщине не терпится посмотреть, что же они принесли в сумках. Она очень темпераментно жестикулировала. Бабулька отвечала ей, но более сдержанно. Занесли сумки в квартиру. И Степанида как будто переместилась во времени. Ковёр на стене. Немецкий гарнитур, телевизор, даже не жопастенький, нет, а Рубин стародревний. Стеша и не думала, что они у кого-то сохранились. Несмотря на крайнюю бедность, в квартире было чисто и уютно.

Женщина открыла первую сумку и издала победный клич. Ей тут же попала Стешина сумка. Она стала так неистово махать руками, смеяться и обнимать Стешу.

- Говорит, что давно такую хотела. Да дорого нам очень, - пояснила старушка.

Следующая была юбка, Степанида давно отказалась от юбок и платьев. Ей было удобнее в брюках и джинсах.

Женщина что-то знаком спросила у бабульки. Бабулька спросила у Стеша:

- Спрашивает, можно ли показать юбку подружке?

- Конечно, - ответила Стеша. - Делайте с этими вещами, что хотите.

- Ты не думай, милая, не пьём мы.

- Да я вижу, - ответила Стеша.

- Зарплату брата всю тратим на продукты, - продолжила старушка. - Едим неплохо. Мясо раз в неделю обязательно. У других вон только пару раз в месяц выходит. Надюшкино жалованье на моющие идёт и на всякие нужды хозяйственные и лекарственные. Немолодые мы уже все. Мне семьдесят, а Наденьке и Коле по пятьдесят два исполнилось. Одноклассники они. С первого класса любят друг друга. Да Бог им деток не дал. А я и вовсе дева старая, - хохотнула бабуля. - Надя уборщицей работает. Через день. Не берут больше никуда. Инвалиды никому не нужны. Да

и возраст у неё уже. А я свою пенсию на ребят трачу. Детишки тут у нас есть. Вот ее подружки дети. Поздно она их родила то. Под пятьдесят лет ей уже сейчас. А детям, Ванюшке и Петеньке, восемь и девять. Подряд родила она их. Я надоумила, - и бабулька счастливо засмеялась, - родители их оба глухонемые. А ребята с хорошим слухом родились. Так они ко мне бегают. Я им книжки читаю. Телевизор то у нас для красоты. Не показывает он давно. А у них и такого нет. Вот и развлекаю как могу. Я ж среди взрослых тут одна слышащая. В школе то не очень с ними дружить хотят. Нижний этаж общества мы. Так что после уроков бегом домой. Между собой дружат. Тырнет только в школе иногда видят. И вот я ещё! А как же детей без угощения отпустишь? То мандаринку, то печеньку, то конфетку. А то и ужинают с нами. А иногда и носки с колготками куплю. Вот и вся пенсия. Да что там деньги что ли? Та слёзы одни.

Тут прибежала Надина подруга. Смутилась, увидев Стешу. Бабушка что-то ей сказала. Она оживилась и стала кланяться, показывая свою благодарность. Стешу душили слёзы.

Подруги стали доставать вещь за вещь, что-то бурно обсуждать.

- Ой, да что это я сию разговоры разговариваю. Чай надо ставить.

На столе вмиг появились баранки, карамельки, варенье.

Прибежали ребята Ванька и Петька. Весёлые хорошие мальчишки.

- А ребятам я ничего не принесла, - удручённо сказала Стеша.

- Не печалься, родимая, - успокоила бабуля. - У них все есть. В бараке кроме них детей нет. Все им что-то покупают. Все их любят. Дружно живем. Ты не думай. Мы не попрошайки. У нас все есть. Вот немного только на одежду не хватает. А пофорсить девкам то ещё охота. Да хоть иногда в парикмахерскую сходить. Давно уж никто из нас там не был. В воскресенье всегда плов я варю. На всех. Все вместе за стол садимся. Помнишь говорила тебе, что мясо обязательно. Ну так вот. Не мясо правда, - подмигнула старушка, - с курицей плов то. С шейками. Зато всем хватает. Я место нашла. Дёшево беру их.

Стеша оглядела помещение. Одна комната квадратов десять, не больше. И кухонька, наверное четыре квадратных метра.

- А где же туалет у вас? Где моетесь?

- Ой, как неудобно то! В туалет хочешь? Ой, как же так-то. Что ж делать?

И она стала знаками что-то показывать Наде.

Надя тоже смутилась.

- Да в чем дело то? - спросила Стеша.

- Ой, милая, да на улице у нас туалет то! Убираем, чистим, но сама понимаешь сколько не чисти отхожее место для пятнадцати человек, а все-равно не ромашками оно пахнет. Как же ты а?

Стеша сказала, что не хочет в туалет, она просто спросила.

- А моетесь где?

- В баню ходим! Слава Богу есть ещё одна тут у нас. Нынче то как - все сауны. И дорого. Вот куда ещё деньги то уходят, милая.

- Бабуль, да что говорят то? Будут вас ломать то? Дадут вам жилье нормальное?

- Да что ты, милая! Нет нас нигде. Неучтенные мы.

- Как так? - не поняла Стеша.

- А так. Давняя это история. Да и зачем тебе знать то? Нет нас на карте, - рассмеялась бабушка.

Домой Стеша приехала поздно. Засиделась у новых знакомых.

Рассказала мужу о неучтенных людях и о жизни их тяжёлой.

- Аркаш, я вот что думаю, поехали к ним в субботу, а? Подстригу я их всех. Навык то поди остался. Хотя давно за креслом то не стояла. Машу с Ксюшей уговорю маникюр женщинам сделать. Как радостно то им будет, как думаешь? А то может ещё и Катю попрошу - пусть хоть кремиком личики им намажет.

Аркадий крепко обнял свою боевую подругу.

- И через рынок, Стеш, продуктов давай купим им. Мяса! Побольше. И пусть бабулька плов сварит на всю махаллу (в Узбекистане название района). Настоящий, Стеш, плов!

В ближайшую субботу в бараке был праздник. Работал импровизированный салон красоты. Стеша подстригла всех женщин и мужчин, Ваньку и Петьку. Ксюша и Маша сделали всем дамам маникюр! Катюша оформила всем бровки и сделала косметические маски. Это не заняло много времени и средств. Всего один день.

На улице в казане варился ароматный настоящий узбекский плов.

Кот Васька

Иван Андреевич ослеп давным-давно, когда ему было тридцать лет. И трагедии уже никакой из этого не делал, а жил привычной жизнью, но только с большими ограничениями.

Левым глазом он немного видел, совсем чуть-чуть. Свет из окна, например. Или очень расплывчато силуэт человека.

Ему помогала по хозяйству соседка Нюра. Они были ровесниками, и когда-то одноклассниками. Нюра заходила достаточно часто. У неё был свой ключ от квартиры Ивана Андреевича.

Она приносила еду, а иногда Иван просил приготовить прямо у него, очень хотелось ощутить запах готовящейся пищи.

Когда-то он и сам неплохо готовил. Плов у него очень хорошо получался. А ещё Иван Андреевич любил катать лапшу. Она у него была тоненькая, полупрозрачная.

Дочка Лидочка очень любила.

Она звонила часто, почти каждый день. Жила Лида за многие тысячи километров от Ивана Андреевича. Ее муж был военный. А они люди подневольные. Получил назначение, и вперед. Лида очень хотела забрать папу с собой, но он отказался. Для незрячего человека это стресс. Новый дом, все снова надо изучать. Да и не хотел он мешать молодым. Тем более через два года у Лиды дочка родилась - Элиночка, а ещё через три сыночек - Ванечка, в честь него назвали, что конечно было приятно.

- Только отца незрячего тебе на голову не хватает, - посмеивался Иван Андреевич.

- Папа, никогда так не говори! Я в любой момент тебя заберу, как только ты сам этого захочешь.

«Заберу», - Иван Андреевич горестно вздыхал, - «вещь я ей что ли?»

Вздыхал, но никогда не сердился, а очень любил и дочь, и внуков, да и зятя тоже. Был он хорошим, настоящим мужиком. Лида рассказывала, что в какой бы квартире ни жили, всегда Виктор все очень удобно устраивал. И гардеробную обязательно мастерил из того материала, который можно было купить, и шкафчики в кухне, и крючков, сколько Лида скажет, и верёвки за окном, чтобы белье сушить.

Но и она в свою очередь, точно знал Иван Андреевич, была отменной хозяйкой. Борщи знатные варила. Ещё у бабушки своей научилась, матери его жены.

Он Веру, жену, не винил. Десять лет она с ним ещё прожила, как зрения-то не стало. А когда Лидочке восемнадцать исполнилось, ровно на следующий же день сообщила, что уезжает. Предложили должность в Ленинградском университете. Вера была известным ученым-химиком. Вся в науке. Аспиранты, дипломники, монографии.

- Вань, мне сорок лет! - тихо промолвила она в тот вечер.

- Знаю, - подтвердил Иван Андреевич.

- Если не сейчас, то уже никогда.

Ивана Вера с собой не пригласила. А может поехал бы он с ней? Очень он Веру любил, и если бы позвала, то уехал бы. Да что там Ленинград. На Крайний Север за любимой женой готов был.

- Ваня, ты знаешь, что это для меня, как для ученого, значит?

- Знаю, Верочка, а потому говорю тебе - езжай.

Много ночей грыз подушку Иван Андреевич. Слезы и рыдания по любимой жене давили. Сначала думал, что есть у неё кто-то, а потом понял, что нет никого. Одна она. Также, как и он. Да и Лида бы врать не стала. Она, кстати, с отцом осталась. И два года жили очень хорошо и дружно. Дочь и отец. А в двадцать лет замуж вышла за молодого лейтенанта Виктора Павлова.

С Верой постоянно по телефону говорили. Она-то и рассказала, позвонив в очередной раз, как всегда поздно вечером, что котёнка подобрала. Рыжего полосатика. На улице сидел он, несчастный и никому не нужный.

- Прямо как я, - сказала Вера.

Иван хотел возразить, что она ему нужна всегда, но не стал.

Теперь Вера звонила почти каждый день и взахлёб рассказывала о своём котике, а Иван вдруг вспомнил своего Ваську. Тоже рыжий был. Красавец.

Жили они тогда с родителями в своём доме. Ваську мать принесла, когда в доме мыши совсем обнаглели. Васька их всех переловил. Он так потешно приносил и бросал мышь под ноги матери. На, мол, хозяйка, вот тебе. Не зря ты меня на улице подобрала. И хлеб свой, ну то есть рыбку, путасу вроде, я не зря ем!

Иван вспоминал, как Васька приходил к нему рано утром, именно к нему и ни к кому другому, и ложился на грудь. Шумно мурчал и заставлял себя гладить.

Ванька тихонько говорил:

- Васька, уйди, спать хочу.

Но Васька не уходил, а лез и лез под руку.

Гладь, мол, давай, не ленись!

В течение дня кот не оказывал Ване никаких знаков внимания. Словно и не было этих утренних ласк. А когда Иван пытался взять его на руки, то он шипел и грозно завывал. Вот такой вот был характерный кот.

А однажды он спас Ваньку от верной гибели.

Родители с младшей сестрёнкой уехали на свадьбу на пару дней, а Ванька не захотел. Мать не настаивала, а отец так и вообще одобрил:

- Правильно, я в твоём возрасте вообще ни на какие свадьбы уже не ходил с родителями. Успеешь ещё, находишься, как друзья начнут жениться.

Жарко Ванька печку натопил в тот вечер! Ох и любил он печь топить. Натопил-то натопил, да чуть не угорел. Васька и спас. Что он только не делал, чтобы разбудить Ваню. И лизал его ухо, и кусал за него же. Но ничего не помогало. Ванька не просыпался. Сон был крепкий. Ванина жизнь была в опасности, и тогда кот укусил Ваньку за губу. Ох и больно же тогда Ване стало, но зато вмиг проснулся!

Вера не переставала восхищаться своим котиком. Да Ваня и сам о нем спрашивал.

- А чем кормишь? А не гадит? А где спит?

Как-то Нюра зашла и услышала эти разговоры. Она не любила Верку и никогда ничего не спрашивала о ней. Но вот в тот день спросила.

- Кто это у неё там завёлся? Уж не мужика ли в дом привела? - и Нюра засмеялась своей шутке, отлично понимая, какой бы ни был мужик, но гадить он точно не будет. Значит либо кота, либо собачку Вера завела. Что на нее не сильно-то похоже. Эгоистка, влюблённая в химию.

- Котик у неё, рыжий, пушистый, - и из глаза Ивана выкатилась прозрачная слезинка.

- Я б тоже завёл, да сама понимаешь. Как кормить?

Ну с этим может я бы и справился. А вот лоток как убирать? Все у Веры подробно спросил. Раз в день она убирает за котиком своим. И немного подсыпает наполнителя. Не справлюсь я.

Прошло время. Вера стала звонить ещё чаще. Она чувствовала интерес мужа (они так и не развелись) к своему любимому питомцу и постоянно рассказывала о нем все новые и новые истории. А однажды она позвонила и стала сбивчиво рассказывать о том, что котик пропал. Вера рыдала.

- Ну подожди, подожди, - успокаивал ее Иван. - Ты везде искала?

- Да. Все просмотрела. В каждый угол залезла.

- Вер, а окно у тебя открыто?

Вера ойкнула:

- Вань, а я и не подумала. В кухне открыто.

Вань, я перезвоню.

Через несколько минут раздалась веселая трель звонка. Ваня снял трубку.

Вера радостно щебетала.

- Ты представляешь, у меня водосточный жёлоб совсем рядом с окном проходит. Кот туда прыгнул. А уж оттуда под козырёк подъезда залез. Вот он там сидит, Вань. Я его вижу. Как мне его оттуда выманить?

- Ну дурья твоя башка, - не удержался Иван. - Вкусненьким конечно. Ты когда его кормила? Сытый он?

- Утром только.

- Ну так и дай рыбки кусочек.

Ещё через пару минут звонок.

- Ой, Вань, все хорошо. Спасибо тебе. Вот оно счастье-то мое. Ест. Приманила рыбкой его.

- Ну и хорошо. - Иван положил трубку.

В ту ночь он плохо спал. Вспоминал своего Ваську, Верочку и Лиду.

Ему снились странные сны. Будто сидят они с Верой на диване, а на полу Васька разлёгся. А маленькая Лидочка бегаёт вокруг. Но в то же время внуки тут же, рядом.

«Приснится же такое», - подумал Иван, проснувшись достаточно поздно в тот день.

Позавтракал как обычно двумя бутербродами с кофе.

На него напала такая хандра, что хоть вой. «И гулять не пойдём с Нюрой как назло. Муж у неё тоже захандрил. Она вообще теперь минут на десять заходит. Вот и остался я один» Но тут вдруг в замочной скважине завозился ключ.

«Ох, Нюра. - обрадовался Иван, - Все таки пришла.»

Но это была не Нюра.

Иван Андреевич напрягся. Давно забытый запах. Тонкое женское дыхание. И ещё чьё-то. Родной запах приближается к нему. Тихонько. «Думает, что я не услышу. Но я незрячий, а не глухой.» И в этот самый момент ему на руки ложится пушистый тёплый комочек и сразу начинает мурчать.

- Васька? - удивляется Иван.

- Васька и Верка. Примешь нас? Вань?

Тодорцев-Хлача

Мама

Учить английский язык мама категорически отказывалась. Понаехали тут, — ворчала она, проходя мимо очередной вывески иностранной фирмы, — вот они пусть и учат наш язык. Аня подтрунивала над ней, когда, услышав незнакомое слово, мама воспринимала его как личное оскорбление. Однажды потешался весь бутик. Мама в ответ на комплимент «She's a lady» взвилась: «Чего это он меня шизой обозвал?»

Компьютер мама тоже начала осваивать только тогда, когда появились винды на русском. Долго сопротивлялась, но пришлось. Аня получила грант на работу за границей. Телефонные переговоры влетали в копейку, а по скайпу можно было вдоволь поболтать, да еще и увидеть друг друга.

Аня была очень поздним ребенком. Мама родила ее в 45 лет, окончательно разочаровавшись в институт брака и решив родить «для себя». Ни мама, ни Аня никогда не пожалели, что в доме нет мужчины. Им было хорошо вдвоем, но сейчас Аня разрывалась между желанием быть рядом с мамой и перспективной работой, которую получила за рубежом.

Мама никогда не жаловалась, но Аня чувствовала, что ей обидно. Получалось, что работа для Ани дороже мамы. Вот возьмут меня на постоянную работу, дадут приличный оклад, тогда сниму двухкомнатную квартиру и перевезу сюда маму, — успокаивала себя Аня. Однако, когда наконец такая возможность появилась, мама только фыркнула: «Как ты это себе представляешь? Куда я поеду, и что там буду делать? Здесь мои друзья, знакомые, здесь меня иногда зовут почитать лекцию или провести семинар, здесь я говорю на моем родном языке».

Мама приехала к Ане, как сама выразилась, «на разведку». Они с удовольствием гуляли по городу, сидели в кафе и даже купили маме новое пальто, но остаться подольше мама категорически отказалась. Торопилась домой, где ее ждали подружки с подробным отчетом о заграничной поездке.

Мама гостила у Ани еще несколько раз, но всегда недолго, а каждый приезд был все короче и короче, пока, наконец, мама не написала, что плохо себя чувствует и приехать в очередной раз не сможет. Аня взволновалась, хотела срочно брать билет на самолет, но мама ее успокоила, сказав, что ничего серьезного, просто возраст уже не тот, чтобы раскатывать по заграницам, пора и честь знать.

Договорились, что Аня приедет летом в отпуск и проведет с мамой целый месяц, но позвонил друг и предложил место в летнем исследовательском лагере, осенью начали серию экспериментов для нового проекта, а потом Аня познакомилась с симпатичным коллегой и зимние каникулы провела с ним, катаясь в горах на лыжах. С мамой они перезванивались, но Аня как-то не обратила внимания, что мама все реже выходит на скайп, ссылаясь на нежелание включать компьютер.

Всполошилась Аня только после звонка маминой подруги. Лилия Викторовна позвонила неожиданно и, даже не поздоровавшись, спросила, когда Аня последний раз навестила маму.

— Что случилось? Мама заболела, она в больнице? Ей нужна операция? — испуганно спросила Аня.

— Случилось. Приезжай и сама увидишь, — отрезала Лилия Викторовна и спустила трубку.

— Мама, мамочка, — бросив чемодан в прихожей, Аня вихрем влетела в комнату.

— Не кричи, Тошу разбудишь, — с облегчением услышала она родной голос.

Мама сидела в своем любимом кресле, а на коленях у нее дремал большой рыжий кот. Это Аню немного удивило. Мама всегда была против того, чтобы держать в квартире животных. Наверное, ей было очень одиноко, подумала Аня, а вслух сказала: «Мамуля, прости, совсем я тебя оставила».

Ане было стыдно, и она не знала, что сказать и что сделать, чтобы хоть как-то загладить свою вину перед мамой. С другой стороны, Аня злилась на мать, что не захотела переехать к ней и тогда все их проблемы могли быть решены.

— Сядь. Не суетись. Лучше расскажи, как у тебя дела. Порадуй мать-старушку. Вот и Тоша хочет послушать новости из заграничной жизни, — знакомым с детства жестом мама показала на стул.

Аня подробно ответила на все мамины вопросы: как обстоят дела в фирме, над чем сейчас работает ее отдел, какой он, ее избранник, как ей нравится в новой квартире, какая сейчас там погода, есть ли русские, есть ли среди них у Ани друзья. Несмотря на непринужденный разговор, Аня отчетливо ощущала, что вскоре наступит момент, когда надо будет что-то решать.

Как она и предполагала, переезжать мама наотрез отказалась, но и на другие варианты категорически не

соглашалась. Вариантов, собственно, было всего два: пустить квартирантку, чтобы присматривала за мамой, или подыскать приличный дом престарелых. Зарплата позволяла оплачивать частный пансион, куда мама могла бы переехать вместе с котом, к которому очень привязалась.

Устав от пререканий, Аня решила прогуляться по городу, а заодно навестить ту самую Лилию Викторовну, которая ей звонила. Дверь ей открыла молодая женщина и сказала, что Лилия Викторовна живет в доме престарелых, и дала его адрес.

«На ловца и зверь бежит, — подумала Аня. — Раз мамина подруга в пансионе, может быть, поможет уговорить маму устроить ее туда же. И мама не будет одна, и мне спокойно».

Лилия Викторовна жила в комнате одна и была очень довольна заведением, но вот на вопрос, можно ли устроить сюда маму, замялась и, немного подумав, протянула Ане листок, на котором было написано только одно слово «МодЕляции» и номер телефона.

— Вот, возьмите. Сюда можно попасть только по рекомендации. Раз уж я вам позвонила, то попробую помочь. Договоритесь о встрече, но идти надо обязательно с мамой, иначе вас не примут.

Аня поблагодарила, а про себя подумала: «Тоже мне тайны мадридского двора!» — однако, набрала номер, сказала, от кого его узнала, и договорилась прийти на следующий день. Отпуск, который ей дали в связи с экстренными обстоятельствами, скоро заканчивался.

Маме всей правды Аня не сказала. Хотя что она могла ей сказать кроме того, что это порекомендовала ее подруга Лиля.

Встретили их радушно и сразу предложили приступить к делу. Любезный оператор по имени Эдуард объяснил, что их фирма занимается модЕляцией действительности. То есть мама может высказать свои пожелания, а Эдуард на их основании выстроит параметры, с помощью которых смоделирует несколько вариантов. Мама может выбрать ту модель, которая ей больше всего понравилась, но может и прервать процесс в любую минуту.

Маме, как показалось Ане, даже понравилась эта игра. Правда, ее немного беспокоило, что мама легкомысленно отнеслась к предупреждению не нажимать опрометчиво синюю кнопку, но она успокаивала себя, что мама всегда была очень ответственным человеком и, наверняка, не станет рисковать, если не уверена в своем решении.

Пока мама находилась в боксе, Эдуард объяснил Ане, что выбранная модель может означать серьезные перемены в их отношениях. Может даже случиться, что они с мамой больше никогда не увидятся. Это, конечно, Аню очень испугало, но, в конце концов, лишь бы маме было хорошо. Пусть будет так, как она захочет.

Мама вышла из бокса задумчивая.

— Мамуля, что ты решила? Ты нажала синюю кнопку?

— Знаешь, ты меня не торопи. Я еще немного подумаю, может, еще решусь переехать к тебе. Мы ведь всегда справлялись сами, вот и теперь справимся, без всякой синей кнопки.

Светлана

Замуж Света хотела всегда. Себя она видела в роскошном белом платье с длинной фатой, а вот с мужем были затруднения.

В детстве муж представлялся стандартно – принцем на белом коне. Выражаясь языком математики, которую Света обожала, видение представлялось в облике уравнения, где постоянная величина был конь, а переменная – принц, который приобретал черты то Вити из 2Б, то Пети из 3В, то Степана из 5А.

На смену коню пришел белый пароход. Свету не смущало, что капитанами заокеанских лайнеров моряки, как правило, становились в почтенном возрасте. Это ведь была ее мечта, а в мечтах можно все. К сорока годам надежда выйти замуж за человека своей мечты немного поблекла, но не угасла. Все подруги вышли замуж, родили детей. Многие разошлись, снова вышли замуж, родили новых детей и снова разошлись. Лучшая подруга Тася разделяла Светланину мечту найти идеального мужчину, но как человек, двумя ногами стоящий на земле, в конце концов, к тридцати шести годам перестала мечтать, родила «для себя» чудесную девочку и уговаривала Свету последовать ее примеру.

— Светик, ты себе даже не представляешь, какая прелесть моя Машка! С тех пор как она появилась на свет, я о мужиках и думать забыла. Вот подожди, она немного подрастет, будем вместе ходить в театр, в кафе, по магазинам. А то махнем в Париж забраться на Эйфелеву башню. Ты поедешь с нами в Париж?

На Париж Света соглашалась, но с ребенком тянула. Нет, это, конечно, замечательно, когда есть родной человечек, но это совсем не то, чего Свете хотелось. И потом, глядя, как шеф не желает входить в Тасино положение матери-одиночки, Света склонялась к мысли, что лучше уж жить со своими мечтами, чем с режущимися зубами, простудами, памперсами, запущенными волосами и угрозой вылететь с любимой

работы.

На свой 42-й день рождения в почтовом ящике вместе с поздравительными открытками Света нашла рекламу. Ничем не примечательный листок приглашал поучаствовать в эксперименте, который проводила иностранная фирма. Эксперимент назывался «Компиляция». Света порылась в энциклопедии и выяснила, что так называют сочинительство на основе чужих исследований или произведений. Фирма предлагала «сочинить» идеального партнера согласно пожеланиям заказчика.

Будучи человеком, далеким от мистики, паранормальных явлений и технологий будущего, которые шарлатаны предлагали опробовать уже сегодня за приличную сумму, Светлана посмеялась и бросила рекламку вместе с почтой на журнальный столик.

Вскоре она познакомилась с мужчиной своей мечты. Он был старше ее на семь лет. Высокий, импозантный, ухоженный, начитанный и галантный. Встречались на нейтральной территории. Правда, рестораны, куда приглашал Михаил, который просил называть его Майклом, особым шиком не отличались. Однажды он даже попросил заплатить за ужин.

— Светочка, дорогая, не обижайся, но зарплата не села на карточку, а мы уже договорились, и я не хотел отменять нашу встречу. Ты очень обидишься, если в этот раз заплатишь ты?

— Миша, не глупи. Ты ведь платил и в прошлый раз, и в позапрошлый, а я женщина современная, не бедная, считай, что сегодня я пригласила тебя.

Света не обратила внимание на то, что кавалер не пообещал вернуть деньги, как только зарплата придет на счет. Ничего предосудительного не видела она и в том, что Михаил каждый раз находил причину отказаться от похода в театр или на выставку. Туда она по-прежнему ходила с подругами и каждый раз отшучивалась, что не показывает кавалера, чтобы не отбили.

Ситуация с рестораном повторилась, а когда Михаил попросил взаймы крупную сумму денег, Светлана поняла, что перед ней обычный альфонс. Вспомнила, как смеялась над доверчивостью женщин, которые рассказывали подобные истории в социальных сетях. Церемониться и чистоплюйствовать Света не стала. Не тот характер. Выставила Майкла-Мишку за дверь, когда тот явился с букетом цветов, предвкушая, как облапошит очередную жертву.

Тем не менее, настроение после этого было хуже некуда, и Светлана решила сделать уборку. Это был ее способ пережить очередное разочарование. Каждый раз после окончания романтических отношений она делала генеральную уборку с перестановкой мебели, что давало ощущение начала нового жизненного этапа. С журнального столика упала пачка бумаг и томик Пушкина. Света любила перечитывать строфы из «Евгения Онегина», а порой сама себе не признаваясь, «гадала» на книге. Вот и сейчас открыла наугад страницу на письме Ленского: «Что день грядущий мне готовит?»

— Действительно, что же этот день может мне еще

приготовить? – в сердцах произнесла Светлана, и ее взгляд упал на рекламу «Компиляции».

На другой день она энергично нажимала на звонок на дверях небольшого особняка в послевоенном стиле. Дверь долго не открывали, и Светлана уже хотела уйти, как к ней вышел мужчина небольшого роста в больших роговых очках.

— Извините, ради бога, что заставил ждать, но коллега заболел, я работаю один и не мог прервать процесс.

— Ничего, ничего, – пробормотала Светлана. – Это вы меня извините, что явилась без звонка, хотя на вашем буклете написано, что надо позвонить и договориться о встрече.

— Неважно. Заходите, пожалуйста. Вижу, что вам действительно срочно нужна наша помощь, так что не стоит откладывать в долгий ящик. Если вы сейчас уйдете, то вряд ли вернетесь.

— Видите? – удивилась Светлана.

— У вас на лице написано, что вы чем-то очень расстроены. Да к нам и не обращаются те, у кого все хорошо. Меня зовут Викентий Леопольдович, – представился мужчина.

Прибор для компиляции напоминал машину времени, как ее изображают в кино. Перед Светланой загорелся белый экран, а Викентий Леопольдович стал задавать ей вопросы.

— Для начала определимся с внешними данными. Да, кстати, забыл спросить, вы будете компилировать с нуля или по модели?

В предварительной беседе Викентий Леопольдович объяснил, в чем разница, и Света решила «рисовать» с нуля. Ну не попадались ей особи мужского пола, которые бы даже приблизительно соответствовали идеалу.

— А белый пароход прикомпилировать можете? – в шутку спросила Светлана, чтобы немного унять волнение, однако собеседник юмора не понял и стал всерьез объяснять, что неодушевленные предметы в пакет услуг не входят.

— С нуля будем! – решила Светлана. — Хочу, чтобы был высокий, стройный, моих лет, приятной наружности, обходительный, щедрый, достаточно обеспеченный, интеллигентный, смелый, нежный, сексуальный...

Света набрала воздуха, чтобы продолжить перечислять качества идеального избранника, но Викентий Леопольдович ее прервал:

— Извините, что вмешиваюсь, но я обязан вас предупредить: такое количество положительных качеств в одном человеке обязательно должно иметь противовес.

— В каком смысле?

— В том смысле, что прямо противоположные негативные качества сконцентрируются в другом дорогом вам человеке, например, ребенке. Особенно это ярко выражено, когда компилируем с нуля.

— О каком ребенке может идти речь? – подумала Светлана. — Мне сорок три года. Какие дети? – А вслух сказала:

— Компилируйте, а там разберемся.

Свадьба была скромная, но стильная. Зал престижного ресторана был украшен со вкусом. Церемонию

заклучения брака заказали выездную, чтобы не разбивать торжественность момента. Блюда были изысканные, музыка звучала классическая, а гости все были очень милы и благовоспитанны. Немного портила общую атмосферу Тасина Машка, которая носилась по залу и вопила от восторга, но Света решила не обращать внимания, все-таки это ребенок лучшей подруги.

Сказочный медовый месяц молодожены провели в Париже и Ницце, а еще через месяц Светлана поняла, что беременна.

Яша-Яна

Яша захлопнул дверцу школьного шкафчика и оглянулся. Уф, и на этот раз пронесло. С недавних пор он заметил, что Сашка Пахомов, гордость школы и предмет вожделения многих девчонок, с парочкой друзей следят за его передвижениями. Как только он подходит к шкафчику, вся неразлучная троица норовит подобраться поближе и заглянуть вовнутрь.

Содержимое Яшиного шкафчика ничем криминальным не отличалось, вот только оно больше подходило кокетливой девчонке, чем почти двухметровому атлетически сложенному Яше.

Если бы Яша был хлюпиком с узкими плечиками и воробьиной грудью, на него никто не обращал бы внимания, но вот беда, природа наделила его brutальной внешностью и нежным, стыдливым характером.

Это была уже третья школа, в которую мама перевела Яшу. В первой мальчишки увидели его в платье сестры, играющего с девочками во дворе. По классу поползли слухи, учительница вызвала его мать в школу и обрушила на нее лавину обвинений в неадекватном поведении ее сына. То, что это произошло за стенами школы, естественно, не имело никакого значения, так как дело касалось «неправильной» сексуальной ориентации.

Во второй школе мальчишки вскрыли Яшин шкафчик и выставили на всеобщее обозрение его содержимое. Ярко красная помада, в тон ей лак для ногтей, румяна и пудра в сочетании с шелковым шарфиком, широкой короткой юбкой и гиппоровой прозрачной

блузкой чуть не довели директрису до инфаркта. Старая дева с негодованием завила, что она даже в молодости не позволяла себе пользоваться такой вульгарной косметикой и надевать вещи, которые больше бы подошли проститутке. Похоже, то, что все это принадлежит мальчику, ее шокировало намного меньше, чем содержимое шкафчика. Придя в себя и сообразив, что пахнет скандалом, который в сочетании с соответствующей статьей Уголовного кодекса может стоить ей руководящей должности, она не стала вызывать Яшину маму в школу, а просто с посыльным под расписку отправила документы об отчислении на домашний адрес.

Мама, хозяйка популярного в городе косметического салона, только спросила, какого черта надо было тащить все это в школу. Будучи женщиной широких взглядов, либерально настроенной, она признавала право сына быть кем угодно, лишь бы это не доставляло ей неприятностей. Было время, когда она, идя на поводу у бывшего мужа, Яшиного отца, пыталась активно участвовать в процессе воспитания из Яши «настоящего мужчины». Но после того, как папенька укатил в командировку и пропал с концами, плюнула на это дело и пустила все на самотек.

Собственно, что и можно было ожидать от ребенка, который со дня рождения слушал разговоры о моде, косметике, омолаживающих процедурах, увеличениях всевозможных частей тела и прочих хитростях, с помощью которых женщины пытаются продлить свою молодость.

В дополнение ко всему старшая сестра, которая в период Яшиного взросления вошла в тот самый возраст, когда зеркало занимает в жизни чуть ли не главное место, практиковалась на Яше, подбирая комбинации одежды и аксессуаров и изобретая новые способы макияжа. Брат был рослым и вполне подходил моднице в качестве модели. Правда, позднее психиатр скажет, что все эти манипуляции не могли повлиять на дальнейшее поведение мальчика. Яше и самому все это безумно нравилось, и он, разглядывая в зеркале свои широкие плечи и мускулистые ноги, не раз сокрушался, что не родился девочкой.

Хуже всего, что дело было не только в сексуальной ориентации. В конце концов, сколько есть гомосексуалистов, о чьей «неправильной» ориентации никто даже не догадывается. А до того, что происходит в их спальне, за закрытыми дверями, никому нет дела. Яша же был «трансвеститом». Огромного парня с макияжем, одетого в женскую одежду и туфли на каблук 46 размера, было сложно не заметить, а делать вид, что ничего особенного не происходит — еще сложнее.

В третьей школе девочки вначале ходили кругами вокруг новичка с внешностью Жан-Клода Ван Дамма, но затем, почувствовав в Яше «своего», со временем стали делиться с ним секретами. Парни недоумевали, почему вместо того, чтобы гонять с ними в футбол, Яша с девочками в кафе обсуждает новую весеннюю коллекцию от «Диор» или советует, какие нужно проводить косметические процедуры, чтобы кожа преждевременно не старела.

Ситуацию спасал мамин косметический салон. Было, если не привычно, то хотя бы логично, что Яша об этом так много знает. Тем не менее, шкафчик вызывал у одноклассников жгучий интерес.

Самым странным было то, что Яша не только маме, но и самому себе не мог объяснить, зачем он все эти вещи держит в школьном шкафу. Воспользоваться ими он здесь не может да и вообще не может ими нигде, кроме дома, воспользоваться. До совершеннолетия вход в клуб трансвеститов для него закрыт, а прогуляться в таком виде по городу у него не хватило бы храбрости.

Яну в очередной раз «попросили на выход» из баскетбольного клуба. Каждый раз сердобольный тренер разрешал ей еще разочек «попробовать», и каждый раз эти попытки заканчивались провалом под громогласный хохот дылд-баскетболисток.

В баскетбол Яна была влюблена, сколько себя помнила, и до восьмого класса не теряла надежду подрасти. Но, как назло, в отличие от старших сестер и брата, которые пошли в маму, папу и деда, она удалась в свою маленькую бабушку. Сестры-близняшки часто брали Януссобой на тренировки и тоже очень расстраивались, что при очередном замере роста ее планка оставалась практически на той же самой отметке, как и год назад. Мама пыталась ее успокаивать. Говорила, что половина женщин на планете все бы отдала за ее стройные ноги, тонкую талию и роскошные густые волосы. Еще мама говорила, что при таком росте, в отличие от сестер, она сможет носить любые каблуки, что парни обожают миниатюрных блондинок и что ее будущий муж сможет в прямом смысле носить ее на руках. Все это было слабым утешением для Яны, которая буквально бредила баскетболом. Волосы она коротко остригла, регулярно делала упражнения на растяжку, но добавить к своим 155 сантиметрам еще хотя бы парочку никак не получалось.

Яна тоже заметила Яшу, когда он появился в их школе, но ее, в отличие от подружек, интересовало, играет ли рослый парень в баскетбол. Узнав, что он вообще спортом не увлекается, Яна потеряла к нему интерес, а поскольку она не участвовала в дискуссиях на тему сохранения вечной молодости, то и не догадывалась о его предпочтениях.

Погруженная в свои мысли, Яна не заметила начало скандала, который все-таки разразился, когда Сашке удалось выхватить из Яшиного шкафчика какую-то блестящую вещицу. Сообразив, что это женская юбочка, Сашка в недоумении пару секунд вертел ее в руках, а затем разразился таким хохотом, что сбежалось полшколы. Именно этот хохот и привлек внимание Яны.

Одного взгляда на Яшу было достаточно, чтобы понять, что парня надо срочно выручать. Он стоял бледный, как полотно, и даже не пытался парировать ликующей толпе.

— Чего разорались?! — набросилась Яна на Сашку и его компанию. — Это я попросила Яшу подобрать мне одежду и макияж для аудиции. Вы что, дикие, никогда дизайнерских вещей не видели, только лапти да сарафан?

Янкины слова походили на правду. В школе знали, что девчонки частенько обращаются к Яше за советом по поводу моды и косметики. Скандала не получилось, и Сашкина бригада ретировалась, несолоно хлебавши. Когда все, кроме Яны, разошлись, Яша все еще не мог выйти из ступора и даже не поблагодарил свою спасительницу.

— Эй! Очнись, все обошлось. Ну ты даешь! Зачем ты притащил все эту дребедень в школу? Ты что, этих дебилов не знаешь?

Яша наконец взглянул на Яну: «Вот бы мне такую внешность, как у тебя!» — неожиданно вырвалось у него.

Яна списала этот бред на пережитый шок, но полусерьезно ответила: «А мне – как у тебя». Затем развернулась на каблуках и поспешила в свой класс. Большая перемена закончилась, и школьный коридор опустел.

Яша в свой класс не вернулся. Он не пошел в школу на следующий день и через день тоже, обдумывая, как же ему выпутаться из этой ситуации. Он знал, что мама занята на каком-то большом проекте, и очень не хотел ее волновать. Тем более, что до конца учебного года остаются две недели, и о переходе в другую школу не может быть и речи.

Мама рассеянно выслушала его просьбу написать классной руководительнице записку, что он должен поехать к отцу и до конца учебного года посещать занятия не сможет. Тем не менее, никаких вопросов задавать не стала. В школе тоже его отсутствие не вызвало возражений, так как заключительные отметки отличникам и хорошистам уже выставили, и теперь муку мучили с троечниками и двоечниками, пытаясь любыми правдами и неправдами перетасщить их в восьмой класс.

Ни к какому папе Яша ехать не собирался. Он слонялся по городу в ожидании, когда мама закончит дела и они поедут в Италию на показ летней коллекции. Чтобы как-то скоротать время, Яша записался в Городскую библиотеку. Недавно здесь установили терминалы для пользователей, с которых можно было выйти в Интернет, и Яша проводил за компьютером большую часть времени. Дома, конечно, у него был ноутбук, но здесь, среди людей, было интереснее. Можно было перекинуться парой слов с соседом или, если повезет, завязать интересный разговор.

В тот день в библиотеке практически никого не было. Яша играл в «Симс» и как раз создавал Сима, который был или, лучше сказать, была, его женской копией. Увлечшись, он не заметил девушку, которая подошла к его терминалу и некоторое время наблюдала за игрой.

— Хочешь в нее превратиться? – неожиданно спросила она.

— Что? — вдрогнул Яша и перевел взгляд на незнакомку. — Я говорю, если ты хочешь стать ею, то я могу помочь. Сказанное девушкой звучало настолько дико, что Яша не нашелся, что ответить, только пожал плечами и опять погрузился в игру.

Девушка легонько коснулась его руки: «Вот тебе моя визитка. Если захочешь узнать об этом подробнее, позвони».

Визитную карточку Яша нашел в кармане через два дня, когда бросил джинсы в стирку. Кроме номера на визитке было написано «Симс услуги».

Телефонный разговор выглядел, как общение с марсианами. Единственное, что Яша понял, это то, что туда надо прийти вдвоем с тем, с кем хочешь поменяться внешностью. В тот же вечер он встретил Яну возле школы и выложил ей эту фантастическую идею.

Яна, с присущим ей пофигизмом, решила, что Яша все-таки решил за ней поухаживать, но, оказалось, что он не шутит и такая возможность действительно существует. Небольшая проблема возникла с документами, но и это фирма взяла на себя.

Мама, вопреки Яшиным опасениям, вздохнула с облегчением и перевела теперь уже дочь в очередную школу. Скандала можно не опасаться, а втроем они еще парочку салонов в городе раскрутят. Она всегда говорила, что две дочери лучше, чем одна.

В семье Яны немного расстроилась только мама. Хотя и это длилось недолго. Теперь у нее было четверо баскетболистов, две девочки и два мальчика. В школе пришлось соврать, что Яна уехала учиться за границу к внезапно объявившейся двоюродной сестре, а взамен семья получила сына той самой сестры на перевоспитание.

- Разрешите, я подумаю до завтра. Мне нужно посоветоваться с мужем.

А собственно, что я могла ответить ему в этот момент? Что все еще оплакиваю Кузьму? Что плачу от бессилья, проклинаю его вечное «назло», и поедом съедаю себя за то, что не уследила?

- Да, конечно, — раздался в трубке голос Словенца. — Я вас понимаю.

«Понимаешь?! Черта с два ты понимаешь. Тебе этого не понять!» — зло думала я.

- Так я позвоню завтра? — настаивал Словенец.

- Вечером, — резко отрубил я, а затем мягче, — пожалуйста, вечером...

Я пересказала разговор мужу. Он решительно согласился.

- Взять. Взять немедленно!

- А может быть, у нее рак? И собака умрет спустя несколько месяцев. Зачем ему здоровую собаку отдавать?!

- Во-первых, не отдавать, а продавать, — терпеливо убеждал меня муж, — а, во-вторых, он же сказал, что у нее какая-то там пиометра, что она стерилизована, что о потомстве не может быть и речи...

- Я тебя прошу, не надо меня уговаривать. Я проконсультируюсь, я Дробняку завтра утром позвоню.

- Кому? — словно не веря собственным ушам переспросил муж.

- Профессору Дробняку, моему гинекологу. Он знает. Он разберется с этим словенцем. Он классный специалист.

- Ты что, совсем с ума сошла? — оторопел муж. — То, что он к тебе хорошо относится потому, что ты ему Есенина на русском языке читаешь, еще не значит, что ты можешь задавать ему идиотские вопросы. К нему

люди за месяц записываются.

Я молчала, но по моему тяжелому взгляду муж понял, что я не отступлю. Вздохнул, взял газету и углубился в чтение.

На следующий день, рано утром, я позвонила профессору Дробняку домой. Трубку взяла его супруга.

- Ах, это вы, Наташа, — дружелюбно сказала она, — а профессор уже ушел в больницу. У него сегодня совещание. Я вам дам номер рабочего телефона.

Пишите номер.

Если бы она знала, по какому поводу я собираюсь беспокоить маститого профессора! Я позвонила сразу же. В трубке раздался мягкий баритон профессора.

- Извините, пожалуйста, что я вас беспокою в такую рань, — начала я.

- Ничего страшного. Что-нибудь срочное?

- Да... — и затем с места в карьер. — Профессор, вы помните нашего Кузьму, я вам о нем рассказывала?

- Да, конечно.

- Так вот, дело касается его несуженой жены. Нам хотят ее продать. Словенец говорит, что у нее что-то гинекологическое, пиометра. Вы знаете, что это такое? — задала я глупейший вопрос.

- Конечно, знаю, — невозмутимо ответил профессор.

Далее последовало детальное объяснение. Пиометра — это скопление гноя в полости матки, чаще всего встречается при гнойном эндометрите... — говорил и говорил знаменитый профессор Дробняк.

Я вежливо дождалась конца изложения, а затем спросила:

- А у нее не рак?

- Наташа, — на секунду потерял терпение Дробняк, — это все-таки моя область. Она стерилизована?

- Стерилизована, стерилизована... — радостно закричала я в трубку.

- Значит, Наташа, рака нет.

- Значит брать?!

- Возьмите, обязательно возьмите.

- Спасибо вам, спасибо, я ему позвоню... Я возьму, извините, пожалуйста, извините за беспокойство...

- В добрый час! — сказал профессор и повесил трубку. Мелица оказалась добрейшим существом. Послушная, обстоятельная, она, как кукла, сидела на своем топчане. Было нечто ностальгическое в глубоком взгляде ее огромных карих глаз. Благодарность переполняла ее большое собачье сердце, она подходила ко мне и лизала руку.

Она ушла из моей жизни так же неожиданно, как и вошла в нее.

Я была за границей, когда она умерла. У нее было больное сердце, верное и усталое.

Она дождалась моего отъезда, чтобы не причинять мне страданий, а затем тихо и спокойно уснула навсегда, так же тихо, как и жила.

У нее нет могилы. Ее кремировали, в отличие от Кузьмы, которого похоронили в саду. Летом над цветами на его могиле множество бабочек. В саду много цветов, но там, где покоится Кузьма, они собираются всегда. И мне хочется думать, что это не случайно, так же не случайно, как все в жизни. Не случайно, как Мелани, как Кузьма.

Вместо колонки редактора: 35 закономерностей жизни

1. Соседняя очередь всегда движется быстрее. /Наблюдение Этторе/
2. Если ничто другое не помогает, прочтите, наконец, инструкцию! /Аксиома Кана и Орбена/
3. Начинать поиски надо с самого неподходящего места. /Закон поиска/
4. Всегда не хватает времени, чтобы выполнить работу как надо, но на то, чтобы ее переделать, время находится. /Закон Мескимена/
5. Решение сложной задачи поручайте ленивому сотруднику — он найдет более легкий путь. /Закон Хлейда/
6. Тем, кто любит колбасу и уважает закон, не стоит видеть, как делается то и другое. /Колбасный принцип/
7. Работа в команде очень важна. Она позволяет свалить вину на другого. /Восьмое правило Фингейла/
8. Вам всегда будет не хватать либо времени, либо денег. /Следствие Лермана/
9. Первые 90% работы отнимают 10% времени, а последние 10% — оставшиеся 90% времени. /Правило сроков выполнения проекта/
10. Когда бы вы ни постригли ногти, спустя час они вам понадобятся. /Закон Уиттена/
11. Пришла нужда постучать по дереву — обнаруживаешь, что мир состоит из алюминия и пластика. /Закон Флагга/
12. Всякая работа легка человеку, который не должен ее делать. /Закон Холта/
13. Кто может — делает. Кто не может — учит. Дополнение студентов: Кто не может учить — учит как учить. /Закон Дж. Б. Шоу/
14. Любой приказ, который может быть неправильно понят, понимается неправильно. /Армейская аксиома/
15. Люди согласны сделать работу любой сложности, когда необходимость в этом уже отпала. /Закон добровольного труда Зимерги/
16. Эксперт — любой человек не из нашего города. /Правило Марса/
17. Опыт растет прямо пропорционально выведенному из строя оборудованию. /Постулат Хорнера/
18. Никогда не удастся делать что-то одно. /Закон Хардина/
19. У самого интересного экспоната не бывает таблички с названием. /Закон зоопарков и музеев Джоунса/
20. Ни один талант не может преодолеть пристрастия к деталям. /Восьмой закон Леви/
21. Человек, имеющий одни часы, твердо знает, который час. Человек, имеющий несколько часов, ни в чем не уверен. /Закон Сегала/
22. То, что вы храните достаточно долго, можно выбросить. Как только вы что-то выбросите, оно вам понадобится. /Правило взаимозависимости Ричарда/
23. Утерянное всегда находишь в последнем кармане. /Закон Буба/
24. Нельзя заранее правильно определить, какую сторону бутерброда мазать маслом. /Закон своенравия природы/
25. Горячая колба выглядит точно так же, как и холодная. /Первый закон работы в лаборатории/
26. О коррупции в правительстве всегда сообщается в прошедшем времени. /Уотергейтский принцип/
27. Наиболее высоконравственны обычно те, кто дальше всех от решения задач. /Принцип Алинского/
28. Среди экономистов реальный мир зачастую считается частным случаем. /Наблюдение Хонгрена/
29. По разумным причинам ничего не делается. /Закон О'Брайена/
30. На каждое действие есть равная ему противодействующая критика. /Постулат Харриссона/
31. Кто платит меньше всех, больше всех жалуется. /Закон профессиональной практики Дрю/
32. Неважно, что кто-то идет неправильно. Возможно, это хорошо выглядит. /Первый закон Скотта/
33. Небьющаяся игрушка полезна для того, чтобы разбивать ею другие. /Закон Ван Роя/
34. Все великие открытия делаются по ошибке. /Закон Янга/
35. Что бы с вами ни случилось, все это уже случалось с кем-то из ваших знакомых, только было еще хуже. /Закон Мидера/